

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60>

Научная статья / Research article

Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в.

А.С. Кравчук

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295004, Россия, Республика Крым, Симферополь, пр-кт Вернадского, 4,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
295015, Россия, Республика Крым, Симферополь, пер. Учебный, 8,
alexkravchuk7@gmail.com

Аннотация: На основе архивных данных, адрес-календарей и месяцесловов Российской империи впервые рассмотрено участие крымских татар и их численность на статской службе в Таврической губернии в первой половине XIX в. После присоединения Крыма к России правящие круги стремились проводить взвешенную политику по отношению к новым подданным. Стабилизации ситуации в регионе способствовало дарование крымским татарам широких прав. Также началось активное привлечение местной знати на военную и гражданскую службу, что должно было облегчить интеграцию старожильческого населения в общеимперское пространство. Если армейские чины находились на службе в национальных частях среди своих соплеменников, то статские служащие взаимодействовали с бюрократией, большинство представителей которой являлись славянами. Таким образом происходило знакомство крымскотатарского населения с русским языком, культурой и новым правовым полем. Наиболее активным было привлечение местной знати в областные органы управления в царствование Екатерины II. При ее приемниках наблюдался процесс постепенного сокращения доли представителей старожильческого населения в местных органах управления. Автор пришел к выводу, что взаимодействие российских властей с крымскотатарской знатью строилось на взаимовыгодных условиях. Государство получало лояльность местных верхов, что обеспечивало стабильность и возможность коммуникации с рядовым населением. В свою очередь, мурзы и беи, поступив на службу, приобретали звания и чины, что позволяло им поправить имущественное положение и повысить социальный статус. При этом численность крымских татар в органах управления Таврической губернии в рассматриваемый период была невысокой – они служили лишь по выборам от дворянства. Доступ в большинство органов местного управления для них был закрыт, одной из причин этого ограничения являлся низкий уровень образования – многие не знали русского языка и канцелярского порядка. Местная знать отдавала предпочтение службе в воинских формированиях, которая была более престижна и не требовала особой подготовки.

Ключевые слова: Новороссийский край, Таврическая область, Таврида, Крым, административная история, чиновничество

Для цитирования: Кравчук А.С. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–60. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60>

Crimean Tatars in the Governing Bodies of the Taurida Province in the First Half of the 19th Century

Alexandr S. Kravchuk

V.I. Vernadsky Crimean Federal University Russian Federation,
4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007 Russia,
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Uchebny Lane, Simferopol, 295015 Russia,
alexkravchuk7@gmail.com

Abstract: The author identifies the amount of Crimean Tatars who served as officials in Taurida Governorate in the first half of the 19th century. The article is based on archival data, address-calendars and mesyatseslovs of the Russian Empire. Russian politics in the region after the Crimean annexation was

© Кравчук А.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

characterized by an active interaction with the local population. The imperial authorities gave the Crimean Tatars broad rights and involved them in civil and military service. Tatar murzas and beys who entered service closely interacted with Russian officials and thus got acquainted with the Russian language and culture as well as with the new legal system. While the largest number of Crimean Tatars were in service during the reign of Catherine II, their number began to decline under her successors. The author argues that the Russian authorities' interaction with the Crimean Tatar nobility was based on mutually beneficial conditions. The state received the loyalty of local leaders, which provided stability and allowed for communication with the ordinary population. In turn, the murzas and beys received titles and ranks, which allowed them to increase their property and keep their social status. However, the number of Crimean Tatars in local government functions during the first half of the 19th century was low. They served in the governing bodies only by election from the nobility. This was a result of central policy but also of the low level of training among Tatar officials. Many of them were not familiar with legal procedures laws and could not read and write in Russian. Consequently, they preferred service in military formations, which was more prestigious and did not require special training.

Keywords: Novorossiya region, Crimea, Taurida, Taurida Governorate, Taurida Oblast, Crimean Tatars, administrative history, bureaucracy

For citation: Kravchuk, Alexandr S. "Crimean Tatars in the Governing Bodies of the Taurida Province in the First Half of the 19th Century." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 47–60 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60>

Введение

Включение земель Крымского ханства в состав Российской империи породило комплекс проблем, связанных с освоением новых территорий. Традиционно для Российской империи на присоединенных землях ключевыми приоритетами являлись обеспечение политической стабильности, военной безопасности и лояльности новых подданных. В условиях перманентных войн с Османской империей российское правительство вынуждено было добиваться расположения оставшегося на полуострове крымскотатарского населения и заручиться поддержкой местной знати. С этой целью уже в 80-е гг. XVIII в. представители знатных крымскотатарских родов начали привлекаться в местные органы управления. 7 ноября 1783 г. из крымскотатарской знати было организовано Крымское правительство, которое возглавил сначала Антон Богданович де Бальмен, а затем Осип Андреевич Игельстром¹. Вскоре оно было несколько реформировано: 11 июня 1784 г. для управления регионом сформировали Таврическое областное правление во главе с Василием Васильевичем Каховским². Привлечение местной знати к управлению краем было взаимовыгодно – представители лояльной верхушки крымскотатарского общества стали получать чины и должности, позволяющие в условиях царящего тогда на полуострове беззакония поправить имущественное положение, а российская администрация создавала аппарат управления, преодолевая языковой барьер и ослабляя влияние османов. Курс на тесное взаимодействие с местными элитами был традиционен для политики Российской империи, проводимой на присоединенных территориях³.

Впервые вопросы, связанные со службой крымских татар по гражданскому и военному ведомствам, были подняты на рубеже XIX–XX вв. видным крымскотатарским общественным деятелем и просветителем И.И. Муфтийзаде⁴, а также военным историком Г.С. Габаевым⁵. И.И. Муфтийзаде обратился к истории создания национальных конных воинских формирований, а также раскрыл отдельные сюжеты участия старожильского населения в органах управления Таврической обла-

¹ Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–124.

² Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 215–216.

³ Кантелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 65.

⁴ Муфтийзаде И.И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 30. С. 1–25.

⁵ Габаев Г.С. Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.

сти. В дальнейшем исследователи неоднократно обращались к истории крымскотатарских воинских формирований. Среди ряда современных работ в этом русле выделим труды М.В. Масаева⁶ и А.В. Саковича⁷.

Существенный вклад в исследование проблем, связанных с приобретением крымскотатарской знатью дворянского статуса, а также в восстановление родословных наиболее видных семей сделала украинский ученый О.С. Маврина⁸. Ее труды позволяют реконструировать отдельные сюжеты, связанные с гражданской службой представителей этих родов. Некоторые сведения, касающиеся службы крымских татар, нашли отражение в работах А.В. Макидонова⁹. Анализ участия крымского старожильского населения в органах управления Таврической области в последней четверти XVIII в. провел Д.А. Прохоров¹⁰. При этом сюжеты, связанные со службой крымских татар по гражданскому ведомству в первой половине XIX в., ранее не рассматривались. Отметим, что с точки зрения изучения исторического процесса оценка основных принципов взаимодействия российской администрации с крымскотатарским населением в первой половине XIX в. является крайне важной. На смену импульсивным и часто вынужденным решениям, принимаемым в первые десятилетия российского господства в Крыму, пришла продуманная политика, предопределившая на длительное время ключевые принципы взаимоотношений Российской империи с крымскотатарским населением. Актуальность данной работы усиливается и тем, что на современном этапе развития отечественной исторической науки требуется переосмысление прошлого российской бюрократии¹¹. Это станет возможным лишь в случае изучения региональной специфики, которая позволит рассмотреть чиновничество во всем его многообразии.

Статья подготовлена на основе традиционных методов исторического исследования. Ее целью является восстановление основных аспектов участия крымских татар в органах управления Таврической губернии. Помимо этого важным видится изучение и реконструкция трансформации политики центра в этой сфере в Тавриде в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.

Адрес-календари как источник по истории статской службы крымских татар

Основным источником, позволяющим восстановить штаты служащих Таврической губернии, являются адрес-календари и месяцесловы Российской империи. Впервые адрес-календарь был издан Академией наук в 1765 г. и с тех пор несколько раз менял свое название и трансформировался¹². Это издание являлось одним из важнейших печатных трудов по учету чиновничества Российской империи¹³. В ходе

⁶ Масаев М.В. Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII – начало XX вв.). Харьков, 2003.

⁷ Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016.

⁸ Маврина О.С. Сторінки із сімейної історії музр Ширінських у XIX ст. // Сходознавство. 2009. № 48. С. 109–128; Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического дворянского депутатского собрания // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 444–455; Маврина О.С. Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.) // Східний світ. 2014. № 2. С. 23–32.

⁹ Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008; Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.

¹⁰ Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 95–108.

¹¹ Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 268–269.

¹² Справочники по истории дореволюционной России: библиографический указатель. М., 1978. С. 153.

¹³ Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи: Библиографический указатель. СПб., 1999. С. 8–9.

исследования нами были проанализированы адрес-календари и месяцесловы за период с 1802 г. (создание Таврической губернии) по 1854 г. (начало военных действий в Крыму в ходе Восточной (Крымской) войны). Выбор верхней границы исследования обусловлен тем, что военные действия, начавшиеся в Крыму, не только повлияли на работу местных органов управления, но и привели к восстанию части крымскотатарского населения против российской администрации. Последовавшая за этим массовая эмиграция старожильского населения за пределы Российской империи также повлияла на принципы взаимодействия центральных властей с местным населением. Кроме того, с целью понимания динамики изменений по сравнению с екатерининскими временами нами были проанализированы данные за 1795 г. Архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 1349 – Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)) и Государственного архива Республики Крым использовались в качестве дополнения к данным из адрес-календарей. Сохранность документов в архивах не позволяет провести сквозной анализ и проследить имеющие место на протяжении всего рассматриваемого периода перемены. Особенно неполные сведения – за первые десятилетия XIX в.

В ходе исследования возник ряд сложностей, традиционных для работ подобного рода. Во-первых, адрес-календари содержат сведения только о кадровом составе высшего чиновничества губернского и уездного уровней – в них не фиксировались переводчики, письмоводители и другие многочисленные канцелярские служащие¹⁴. При этом согласно указу о разделе Новороссийской губернии переводчики полагались при Таврическом губернском правительстве и суде, а также в уездных присутственных местах¹⁵. В Крыму эти должности в губернских и уездных органах управления часто занимали крымские татары. Во-вторых, массово встречаются разночтения при написании имен и фамилий крымских татар, нередко фамилии вовсе отсутствуют. Данный факт особенно характерен для начала XIX в., уже в 1830–1840-е гг. под воздействием российской правовой традиции фамилии появились у всех чиновников татарского происхождения.

В рассматриваемый период времени было выявлено 74 крымских татарина, находившихся на гражданской службе в органах управления Таврической губернии. В большинстве случаев они занимали выборные посты: депутатов губернского собрания, заседателей совестного суда Таврической губернии, заседателей и исправников земских судов, уездных предводителей дворянства. Нами был обнаружен лишь один чиновник, служивший на не выборной должности. Это – Джелил Шах-мурза Кумников, который в 1853 г. состоял частным приставом Керчь-Еникальского градоначальства (должность, предшествующая полицмейстерской)¹⁶.

Крымские татары в органах управления Таврической области по данным адрес-календарей

Массовое привлечение крымских татар в органы управления Таврической области началось сразу после вхождения полуострова в состав Российской империи. В последующие годы, при приемниках Екатерины II, произошел отказ от заданного первоначального вектора. Для понимания этого процесса рассмотрим состав служащих Таврической области в 1795 г. Данный год выбран нами не случай-

¹⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 15–16; Шилов Д.Н. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века): краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 91.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ): Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. С. 290.

¹⁶ Адрес-календарь... С. 154–158.

но. Открытие присутственных мест в регионе состоялось в 1787 г.¹⁷, при этом структурные изменения органов управления и замещение вакантных должностей продолжалось вплоть до 1793 г. К 1795 г. штаты служащих, в целом, были укомплектованы чиновниками. В областных органах управления на службе в этот год находилось двенадцать крымских татар, еще 26 служили в уездах¹⁸. Представители старожильческого населения не входили в высший орган власти в регионе – Правление Таврической области¹⁹, состоявшее из четырех человек во главе с правителем генерал-майором Семеном Семеновичем Жегулиным.

В Палате уголовного суда, состоявшей из председателя, трех советников и секретаря, одним из советников служил Мегметша Ширинский. Идентичной была структура Палаты гражданского суда, где советником трудился премьер-майор Велиша-мурза. В Палате казенных дел из 15 чиновников двое были крымскими татарами – надворный советник Мегметша Аргинский и коллежский асессор Хамит-ага. Не было представителей старожильческого населения среди служащих прокуратуры, областного магистрата и верхней земской расправы²⁰. Последние два учреждения являлись сословными судебными инстанциями – первое ведало рассмотрением апелляций уголовных и гражданских дел купцов и мещан, среди которых почти не было крымских татар, второе – апелляциями по делам государственных крестьян, однодворцев и казаков. Не служили крымские татары в карантинах и портовых таможах²¹.

Совестный суд Таврической области в 1795 г. функционировал под председательством статского советника Мегмет-аги, одним из двух заседателей являлся Кемаль-бей²². В двух департаментах Верхнего земского суда под председательством русских чиновников из десяти заседателей шестеро были крымскими татарами²³. В областном магистрате и верхней расправе крымских татар не было. При областном правлении также находился и предводитель дворянства, которым в это время являлся статский советник Мегметша-бей Ширинский.

На уездном уровне крымские татары составляли более половины от числа служащих. Так, в Симферопольском уезде из тринадцати чиновников семеро были крымскими татарами, в Феодосийском – шесть из тринадцати, Евпаторийском – семь из двенадцати, Перекопском – шесть из десяти²⁴. В уездах они служили преимущественно в дворянских опеках и уездных судах. Сохранение такого баланса было крайне важным в данный период, так как по отношению к местному населению продолжалось использование норм шариата по соглашению судящихся сторон. В отличие от крымскотатарской знати русские чиновники не знали традиций местного права, следовательно, данное обстоятельство воспринималось рядовыми обывателями положительно.

В последней четверти XVIII в. на службу набирали представителей наиболее видных местных знатных родов, проявивших лояльность российской короне и принимавших участие в присоединении Крыма к России. Отличительной особенностью данного периода было широкое награждение чинами и званиями поступивших на статскую службу. Они раздавались вне зависимости от выслуги лет, исключительно за личные заслуги, по инициативе Г.А. Потемкина-Таврического и самой

¹⁷ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

¹⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 390.

¹⁹ ГАРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–197.

²⁰ Там же.

²¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 394.

²² Там же. С. 390–394.

²³ Там же. С. 391.

²⁴ Там же. С. 394.

Екатерины II. Таким образом, татарская знать получала официальное признание своих сословных прав, денежное вознаграждение за службу и широкие негласные возможности поправить финансовое положение за счет присвоения земель и имущества покинувших пределы Крыма соплеменников. Видя очевидные выгоды, беи и мурзы охотно шли на сближение с новыми властями. В свою очередь, российское правительство получало не только новых сторонников, но и посредников между администрацией Таврической области и крымскотатарским населением.

Крымские татары на статской службе в Таврической губернии

На протяжении первой половины XIX в. необходимость привлечения крымских татар в губернские органы управления неизменно снижалась. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, влияние Османской империи уже не было столь сильным, а наиболее активные ее сторонники к этому времени покинули пределы полуострова. Во-вторых, осталось в живых не так много деятельных участников событий, связанных с присоединением Крыма к Российской империи, которых, по мнению местной и центральной администрации, стоило в знак признательности привлечь к управлению краем и обеспечить жалованием. В-третьих, постепенно стабилизировалась ситуация в экономической жизни, началось хозяйственное освоение края, что положительно влияло на общее положение местного населения. В-четвертых, началась колонизация региона, следствием которой было постепенное сокращение доли крымских татар в общей численности населения полуострова.

Изменение ситуации в крае и вектора проводимой политики нашло отражение в указе Александра I о создании Таврической губернии от 8 октября 1802 г. Административная единица формально организовывалась на «особых условиях», при этом ее устройство мало чем отличалось от штатных губерний. Представителям старожильского населения в переформатированных органах местного управления отводилось участие лишь в выборных судебных органах и дворянском собрании²⁵. При земских исправниках полагалось четыре заседателя (в штатных губерниях их было двое) «определяемых на общих правилах по выбору от дворянства»²⁶. В связи с незнанием крымскими татарами русского языка в каждом земском суде два заседателя должны были быть из русских дворян: «если же на первый случай окажется в оных недостаток, то губернское правительство имеет право определять на оные места от себя достойных людей»²⁷. В реальности количество заседателей в земском суде редко достигало предписанной законом численности, часто их было два–три. Секретари, которые были из христиан, негласно выполняли функции надзора. Создание же уездных судов откладывалось на неопределенное время в связи с ожиданием прибытия значительного числа иностранных колонистов.

Таким образом, общее количество должностей по гражданскому ведомству, занимаемых крымскими татарами, в ретроспективе по десятилетиям распределились следующим образом: 1802–1809 гг. – 79 постов; 1810–1819 гг. – 120 постов; 1820–1829 гг. – 78 постов; 1830–1839 гг. – 14 постов; 1840–1849 гг. – 20 постов; 1850–1854 гг. – 19 постов. При этом пик численности представителей старожильского населения на гражданской службе Российской империи приходился на 1819 и 1820 гг. – по 17 чел., в 1804 г. – 16 и в 1805 – 15 чел. В результате реформы Александра I в 1804 г. в отличие от 1795 г. присутствие крымских татар в органах управления губернского уровня сохранилось лишь в дворянском собрании – трое из семи депутатов²⁸. Остальные тринадцать человек состояли на службе в уездах. Всего

²⁵ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 539. Л. 48–54.

²⁶ ПСЗРИ–I. Т. 16. С. 290.

²⁷ Там же.

²⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 262–267.

в 1804 г. в крымских уездах Таврической губернии, не считая канцелярских служащих, на службе находилось 37 чел.²⁹ При этом 1804 г. нельзя считать показательным, так как губернские штаты были приведены в соответствии с буквой закона лишь при участии второго таврического гражданского губернатора Д.Б. Мертваго, руководившего краем с 1803–1807 гг.³⁰

В этой связи рассмотрим кадровый состав центральных и уездных органов власти в 1807 г. Согласно данным адрес-календаря за этот год, на службе находилось двенадцать крымских татар³¹. Представители старожильческого населения отсутствовали в гражданском и уголовном судах. В совестном суде под председательством капитана Е.П. Сарандинаки одним из двух заседателей был Азамат-мурза Аргинский³². В дворянском правлении из шести депутатов двое были крымскими татарами – коллежский асессор Муртаза Челеби и титулярный советник Бахтиша-мурза Ширинский³³. Остальные девять человек служили в уездах. Предводителем дворянства Симферопольского уезда был Каябей Балатуков – будущий герой Отечественной войны 1812 г.³⁴ В Симферопольском земском суде половина заседателей были крымскими татарами – Ахмет-мурза и Абдураим Челеби. Предводителем перекопского дворянства являлся титулярный советник Менглиша-мурза, заседателем земского суда – Сейт-Осман Муртаза. Заседателями земского суда в Евпаторийском уезде трудились Амет-мурза Мансурский и Арсланша-мурза. В Феодосийском земском суде служили заседателями губернские секретари Менгли Герей-мурза Ширинский (впоследствии есаул Перекопского конно-татарского полка) и Мегметча-мурза Ширинский (впоследствии есаул Феодосийского конно-татарского полка)³⁵.

Как уже отмечалось, максимальное количество крымских татар, находившихся на службе по гражданскому ведомству в первой половине XIX в., зафиксировано в 1819–1820 гг. Так, в 1819 г. в совестном суде одним из двух заседателей был хорунжий Мегмет-бей Текятов³⁶. Предводителями дворянства во всех крымских уездах были представители старожильческого населения: Смаил-бей Балатуков (Симферопольский уезд)³⁷, коллежский регистратор Мемет-мурза Вейрат-Крымтаев (Перекопский уезд), подполковник Адиль-бей Балатуков (Евпаторийский уезд), капитан Али-мурза Ширин (Феодосийский уезд)³⁸. Исправниками в земских судах служили: в симферопольском – есаул Булат-бей Балатуков; перекопском – есаул Селямет-бей Хункалов; евпаторийском – поручик Батыр-бей Балатуков³⁹. Заседателями в земских судах трудились: симферопольском – Меметча-мурза Булгак и коллежский регистратор Джелал-мурза Кипчак; перекопском – есаул Ак-мурза Бочала и хорунжий Адий-ага; евпаторийском – сотники Адильша-мурза, Темирша-мурза и Эрмашбет-ага; феодосийском – Тогай-мурза Аргин и Сеитча-мурза Ширин⁴⁰. Таким образом, на рубеже двух десятилетий крымские татары занимали большинство выборных должностей в уездах, что в условиях преобладания татарского дворянства в Таврической губернии было вполне логично.

²⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 3–87.

³⁰ *Непомнящий А.А., Кравчук А.С.* На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2018. Т. 47. № 1. С. 98–99.

³¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 237–242.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 74–79.

³⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 237–242.

³⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219 (1819). Л. 3–8.

³⁷ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 100–101.

³⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 250–259.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

Сокращение численности представителей старожильческого населения в органах управления Таврической губернии началось в середине 20-х гг. XIX в. Это явление совпадает по времени с воцарением Николая I и началом генерал-губернаторства М.С. Воронцова в Новороссийском крае, которого современники считали покровителем крымских татар. Процесс шел на фоне интенсивной колонизации края, начавшейся в это же время. Активное приобретение российским дворянством земель в Крыму давало им право участвовать в дворянских выборах и вело к постепенному выравниванию соотношения христиан и мусульман в выборных органах власти. При этом на полуострове крымские татары к середине XIX в. составляли абсолютное большинство населения – до 75 %⁴¹. Сложившийся дисбаланс, безусловно, оказывал негативное влияние на понимание местной администрацией интересов крымскотатарского населения. Прямо повлияло на уменьшение числа представителей старожильческого населения в органах управления Таврической губернии утверждение Николаем I в 1837 г. «Положения о земской полиции». Согласно данному законопроекту в два раза сокращалось число заседателей земских судов, избираемых дворянством⁴². Эти должности в Крыму часто занимали мурзы и беи.

Уровень подготовки чиновников крымскотатарского происхождения был невысоким. В первую очередь, это выражалось в степени образованности поступавших на службу. Вплоть до 1827 г. в Крыму не существовало учебных заведений, созданных государством для старожильческого населения, а в Симферопольской мужской казенной гимназии они не обучались. Следовательно, образование поступавшей на службу знати ограничивалось домашним обучением или обучением при мечетях. Многие из них не могли объясняться по-русски, а уж тем более писать, что, безусловно, создавало существенные трудности.

В 1827 г. при Симферопольской гимназии было открыто татарское училищное отделение на 20 мест, просуществовавшее до Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. За это время полный курс отделения сумели окончить только 25 чел.⁴³ Учеба была сложной, не было специальных пособий, помимо усердия необходимы были средства на проживание в губернском центре и решение бытовых проблем. Позволить себе это могли лишь представители знати. Немного популярнее были открытые по инициативе Министерства государственных имуществ в 40-х гг. XIX в. волостные училища. Их целью была подготовка к работе волостными и сельскими писарями, помощниками фельдшеров и землемеров. Знать предпочитала поступать на военную службу, где для них был «более легкий способ получения чинов и званий»⁴⁴. К тому же военная служба была куда престижней и привычней для местной аристократии.

Проблема образованности крымских татар беспокоила и военное командование, при участии которого в это же время предпринимались попытки привлечь к обучению за счет казны детей крымскотатарской знати в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а также в кадетских корпусах. По всей видимости предпринимаемые усилия особого успеха не имели. Об этом может свидетельствовать императорский указ от 23 июля 1842 г., согласно которому крымских татар, которые не окончили Кадетский корпус и не получили необходимые для выпускников знания, следовало принимать на службу не в лейб-гвардии Крымско-

⁴¹ *Кравчук А.С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь, 2019. С. 196–197.

⁴² ПСЗРИ–II. Т. 12: 1837: Ч. 1. С. 484–515.

⁴³ *Абибуллаева Д.И.* Из истории народного образования крымских татар в XIX в. // *Культура народов Причерноморья*. 1998. № 3. С. 142–144.

⁴⁴ *Ханацкий К.В.* Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1876. С. 159–160.

татарский эскадрон, а в казачьи полки «с прикомандированием их к Крымскотатарскому эскадрону. В гвардию зачислять по выслуге трех лет»⁴⁵. Но и эта мера никак не повлияла на сложившуюся ситуацию. По данным А.В. Саковича, никто из мурз до 1867 г. полный курс училищного обучения пройти так и не смог⁴⁶.

Поступавшие на гражданскую службу крымские татары были тесно связаны с национальными воинскими формированиями. Традиционно для Российской империи кадры аппарата государственного управления черпались в армии. В Крыму это взаимодействие было очень близким. Немногочисленность местной знати позволяла ей без особого труда найти место на службе. В ходе исследования нами были выявлены по меньшей мере 32 чиновника (40,5 % от общего числа бюрократов), которые в разное время служили в армии. Среди них выделяются две основные группы. К первой можно отнести тех, кто принимал активное участие в присоединении Крыма к Российской империи и получил военные чины в ходе Русско-турецких кампаний конца XVIII в., а также проходил службу в Таврических татарских дивизионах (Бешлие войско) в 1784–1796 гг. Ко второй группе относятся участники Отечественной войны 1812 года, те, кто служил в крымскотатарских конных полках (1807–1817 гг.) и позже в Крымскотатарском эскадроне (1827–1863).

В первой группе выделяются: исправник Феодосийского нижнего земского суда (1804–1805 гг.; 1811–1813 гг.) Касим-мурза Аргинский (в прошлом адъютант Г.А. Потемкина-Таврического); предводитель дворян Евпаторийского уезда (1804) Мердемша-мурза Мансурский (майор); заседатель Акмечетского нижнего земского суда (1802), заседатель Феодосийского земского суда (1807) Мегметча-мурза Ширинский (подпоручик Таврического конного дивизиона, титулярный советник Ногайского казачьего войска, есаул Феодосийского конно-татарского полка).

Вторая группа более многочислена. Это связано с тем, что большинство представителей российской знати вместе с другими сословиями встали на защиту отечества в войне с Наполеоном. В Крыму было сформировано четыре крымскотатарских конных полка, два из которых – Симферопольский и Перекопский принимали активное участие в боевых действиях. Во второй группе выделяются: комиссар Акмечетского нижнего земского суда Новороссийской губернии (1802 г.) Абдулла-ага Мамакский (впоследствии капитан, командир Евпаторийского конно-татарского полка (1808–1810)); предводитель дворян Евпаторийского уезда (1815–1825) Адиль-бей Балатуков (до поступления на гражданскую службу полковник Симферопольского конно-татарского полка); исправник Симферопольского земского суда (1819–1821) Булат-бей Балатуков (до поступления на статскую службу есаул Симферопольского конно-татарского полка); исправник Евпаторийского нижнего земского суда (1804–1805), предводитель дворян Симферопольского уезда (1806–1807) Кая-бей Балатуков (впоследствии генерал-майор, командир Симферопольского конно-татарского полка); исправник Перекопского земского суда (1822–1826) Максют-бей Биарсланов (до поступления на гражданскую службу есаул Симферопольского конно-татарского полка); заседатель Перекопского земского суда (1819–1820) Ак-мурза Бочала (до поступления на статскую службу есаул Перекопского конно-татарского полка); заседатель Симферопольского нижнего земского суда Амет-мурза Джаамин (впоследствии есаул и командир Евпаторийского конно-татарского полка); заседатель Евпаторийского земского суда (1815–1818) Садык-ага Кунтуганский (до поступления на гражданскую службу есаул конно-татарского Евпаторийского полка); заседатель Феодосийского земского суда (1837–1847) Сеитча Ягья Сеит-Аметов (до поступления на статскую службу есаул Феодосийского конно-татарского полка); исправник

⁴⁵ ПСЗРИ-2. Т. 17: 1842. Ч. 1. С. 787.

⁴⁶ Сакович А.В. Крымские татары на военной... С. 110.

Перекопского нижнего земского суда (1804–1805) Ахмет-бей Пармамбетов Хункалов (впоследствии майор, командир Перекопского конно-татарского полка); исправник Перекопского земского суда (1819–1821) Селямет-бей Хункалов (до поступления на гражданскую службу есаул конно-татарского Перекопского полка); предводитель дворян Феодосийского уезда (1819–1822; 1827–1831) Али-мурза Ширинский (гвардии полковник крымско-татарского эскадрона).

Проведенный анализ показал, что ведущие роли среди крымскотатарской знати как на статской, так и на военной службе играли одни и те же люди. Это может свидетельствовать о том, что, с одной стороны, наибольшим влиянием в местном обществе пользовался ограниченный круг семей. С другой, российские власти в своей деятельности опирались именно на них, оказывая всевозможную поддержку.

Об уровне подготовки и квалификации государственных служащих также может свидетельствовать наличие чинов, полученных по гражданскому ведомству. В рассматриваемый период наивысшим чином, до которого удалось дослужиться представителям крымскотатарского народа, являлся коллежский асессор (VIII чин по «Табели о рангах», дававший право на потомственное дворянство). Таких было трое: Муртаза Челеби, Али-мурза Ширинский (впоследствии перешел на военную службу и дослужился до гвардии полковника) и Сеитча-мурза Ширинский. Последнему чин был пожалован по воле Екатерины II. До титулярного советника (IX чин по «Табели о рангах») дослужилось семь человек: Касим-мурза Аргинский, Али-мурза Канчинский, Арслан-бек-мурза Кипчатский, Менглиша-мурза Улан, Джантемир-мурза Салманши, Сект-мурза Сарабузский, Бахшиша-мурза Ширинский. Один имел чин коллежского секретаря (X чин по «Табели о рангах»), еще восемь – коллежского регистратора (XIV чин по «Табели о рангах»). Таким образом, чины имели всего лишь 19 чел., из которых восемь – низший гражданский чин коллежского регистратора. Это достаточно низкий показатель, который свидетельствует о невысокой престижности гражданской службы в крымскотатарской среде и нежелании делать карьеру на статской службе. Отметим, что представители крымскотатарской знати, в течение всего XIX в. пытаясь доказать свое право быть причисленными к дворянскому сословию и не имея подтверждающих документов ханских времен, активно апеллировали к успехам своих предков на российской статской и военной службе.

О достижениях чиновников также может свидетельствовать их награждение. Адрес-календари не содержат сведений о причинах поощрения. В период службы по гражданскому ведомству награды имели семь человек. По одному представителю крымскотатарской знати были награждены Орденами Св. Анны II ст., Св. Анны IV ст., Св. Владимира III ст., а также Золотой медалью на Владимирской ленте. Двое были награждены Орденом Св. Анны III ст. Адиль-бей Балатуков являлся кавалером Орденов Св. Владимира IV ст. и Св. Анны IV ст.⁴⁷ При этом абсолютное большинство знаков отличия были получены на военной службе или за участие в формировании национальных воинских подразделений. Факты поощрения за успехи на статской службе в рассматриваемый период нами не были выявлены, в том числе в архивных материалах.

Что касается времени нахождения на гражданской службе, то некоторые из представителей старожильческого населения Крыма достаточно долго занимали свои посты. Это свидетельствует как о доверии к ним со стороны центральной и местной администрации, так и о том, что, в целом, они справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, например, Азамат-мурза Аргинский являлся заседателем Совестьного суда Таврической губернии двенадцать лет (1807–1818); по одиннадцать лет отслужили Адиль-бей и Самил-бей Балатуковы и Адильша-мурза Карагутский.

⁴⁷ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 82–89.

Первый был предводителем дворян Евпаторийского уезда (1815–1825)⁴⁸, второй возглавлял дворянство Симферопольского уезда (1810–1820)⁴⁹, третий был заседателем Евпаторийского уездного суда (1819–1829)⁵⁰. Титулярный советник Арсланбек-мурза Кипчатский занимал пост заседателя Совестного суда Таврической губернии десять лет (1836–1845)⁵¹; Амет-мурза Мансурский находился на службе тринадцать лет, занимал посты заседателя Перекопского уездного нижнего земского суда (1802–1803) и заседателя Евпаторийского земского суда (1804–1814)⁵². Титулярный советник Менглиша-мурза Улан двенадцать лет служил предводителем дворян Перекопского уезда (1807–1818)⁵³; коллежский регистратор Сеитча Ягъя Сеит-Аметов одиннадцать лет занимал пост заседателя Феодосийского земского суда (1837–1847)⁵⁴. В среднем представители крымскотатарской знати находились на службе более 4,3 года.

Некоторые из крымскотатарских чиновников за время службы занимали две-три различные должности. В одних случаях это происходило ввиду административных преобразований, в других – в связи со сменой места жительства, в-третьих – со сменой должности. На двух разных должностях успели послужить семь чиновников. На трех должностях – двое: Мемет-мурза Вейрат Крымтаев (исправника Перекопского земского суда, предводителя дворян Перекопского, а затем Симферопольского уездов) и Меджит Челеби (заседателя Симферопольского земского суда, заседателя Евпаторийского земского суда и исправника Евпаторийского земского суда).

Выводы

Присоединение территории Крымского ханства к Российской империи для местного населения означало не просто «смену господина»⁵⁵, а нарушало прежние традиционные устои общества, что было одной из причин нестабильности в регионе. С данным фактором вынуждена была считаться царская администрация эпохи Екатерины II при выработке политики по отношению к местному населению. В этой связи было налажено тесное сотрудничество между лояльной местной знатью и центральными властями. Для поощрения этого взаимодействия крымскотатарская знать активно включалась в областные органы управления, получая за это чины и жалование, что позволяло ей утвердить свое сословное и имущественное положение в новых реалиях.

В годы царствования Александра I и Николая I произошла трансформация первоначально заданного курса, изменился общий вектор внутренней политики во всей империи. В Тавриде было усилено военное присутствие, активно развивался Черноморский флот, ослаб османский фактор, медленно происходил рост немусульманского населения за счет переселения колонистов. Существовали также не зависящие от царских властей причины сокращения численности крымских татар в органах местного управления. Представители местной знати не спешили учить русский язык и знакомиться с правовой культурой государства. Это затрудняло их участие в управлении краем, вынуждало вводить дополнительные должности переводчиков, что лишь усиливало кадровый голод в Таврической губернии. При этом в течение первой четверти XIX в. появилась немногочисленная прослойка чиновни-

⁴⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 207–216.

⁴⁹ Там же. С. 254–264.

⁵⁰ Там же. С. 232–244.

⁵¹ Адрес-календарь... С. 189–192.

⁵² Месяцеслов с росписью чиновных особ... С. 245–254.

⁵³ Там же. С. 250–259.

⁵⁴ Адрес-календарь... С. 177–180.

⁵⁵ Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 80.

ков-христиан, знающих крымскотатарский или турецкий языки и способных изъясняться с местным населением. К тому же многочисленные следственные комиссии по урегулированию земельных споров в Крыму, существовавшие в первой половине XIX в., выявили не только злоупотребления местных государственных служащих, но и активное участие в этих процессах крымскотатарской знати. Последняя часто действовала в собственных интересах, ущемляя рядовое крымскотатарское население⁵⁶. Данный факт пошатнул доверие центральных властей к беям и мурзам, на которых негласно возлагалась посредническая функция между местными органами управления и рядовыми обывателями Таврической губернии.

Проведенное исследование позволило опровергнуть широко распространенный в отечественной историографии, выдвинутый в конце XIX в. И.И. Муфтийзаде тезис о том, что «большинство выборных мест по Крыму было занято молодыми крымскотатарскими мурзами с чинами вплоть до 1840 года»⁵⁷. Как показало наше исследование, данное утверждение не соответствовало действительности, а численность чиновников крымскотатарского происхождения начала снижаться еще в середине первой половины XIX в.

Важным фактором, влияющим на численность крымских татар в органах местного управления, была служба представителей мурзинских и бейских родов в национальных воинских подразделениях. Военная карьера считалась престижнее и сулила куда большие выгоды, не требовала специальной подготовки. Центральные власти поощряли участие крымских татар в этих формированиях, не столько из-за их боевых качеств, сколько из-за возможности вывести с полуострова наиболее активные слои населения, способные поднять мятеж. К тому же, находясь на службе, крымские татары так или иначе оказывались в российской культурной среде, некоторые учились говорить и писать по-русски. Тем не менее в условиях повсеместного доминирования крымскотатарского населения на территории полуострова их участие в деятельности местных органов управления представляется явно недостаточным, что приводило к непониманию настроений и желаний местного населения. Крайним проявлением данной проблемы стало участие крымских татар в восстаниях против администрации Таврической губернии в годы Восточной (Крымской войны) 1853–1856 гг. Данные события стали полной неожиданностью для местной администрации во главе с губернатором В.И. Пестелем⁵⁸.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2020.

Библиографический список

- Абибуллаева Д.И.* Из истории народного образования крымских татар в XIX в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 140–149.
- Габаев Г.С.* Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.
- Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: с картами и планами. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1900. 438 с.
- Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

⁵⁶ *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 35–71; *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 25. С. 29–88; ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–52 об.

⁵⁷ *Муфтийзаде И.И.* Очерк военной службы... С. 6.

⁵⁸ *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: с картами и планами. СПб., 1900. С. 292.

- Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция-Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Кравчук А.С. Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 244 с.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 23. С. 71–117.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 35–71.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 25. С. 29–88.
- Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). 3-е изд., испр. и доп. Запорожье: Просвіта, 2008. 140 с.
- Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.
- Маврина О.С. Сторінки із сімейної історії мурз Ширінських у XIX ст. // Сходознавство. 2009. № 48. С. 109–128.
- Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического дворянского депутатского собрания // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 444–455.
- Маврина О.С. Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.) // Східний світ. 2014. № 2. С. 23–32.
- Масаев М.В. Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII–начало XX вв). Харьков: Харьковский государственный университет, 2003. 26 с.
- Муфтийзаде И.И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 30. С. 1–25.
- Непомнящий А.А., Кравчук А.С. На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2018. Т. 47. № 1. С. 97–106. DOI: 10.13187/bg.2018.1.97.
- Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Staty33
- Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–138.
- Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 213–225.
- Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.
- Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 316 с.
- Шилов Д.Н. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века): краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 90–95.

References

- Abibullayeva, D. I. “Iz istorii narodnogo obrazovaniya krymskikh tatar v XIX v.” *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 3 (1998): 140–149 (in Russian).
- Gabayev, G. S. “Krymskiye tatory pod russkimi znamenami. Kratkaya istoricheskaya spravka.” *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voyenno-istoricheskogo obshchestva*, no. 3 (1913): 131–137 (in Russian).
- Dubrovin, N. F. *Istoriya Krymskoy voyny i oborony Sevastopolya: s kartami i planami*. St. Petersburg: «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1900 (in Russian).
- Kappeler, A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya*. Moscow: Traditsiya-Progress-Traditsiya Pub., 2000 (in Russian).
- Kravchuk, A.S. *Dela i dni: tavrisheskiye gubernatory, 1802–1854 gody*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2019 (in Russian).
- Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: prodolzheniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 23 (1895): 71–117 (in Russian).
- Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: prodolzheniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 24 (1896): 35–71 (in Russian).
- Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: okonchaniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 25 (1896): 29–88 (in Russian).

- Makidonov, A.V. *K svetskoy i tserkovnoy istorii Novorossii (XVIII–XIX vv.)*. Zaporozh'ye: Prosvita Publ., 2008 (in Russian).
- Makidonov, A.V. *Personal'nyy sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka*. Zaporozh'ye: Prosvita Publ., 2011 (in Russian).
- Mavrina, O.S. “Storinki iz simeynoi istorii murz Shirins'kikh u XIX st.” *Skhodoznavstvo*, no. 48 (2009): 109–128 (in Ukrainian).
- Mavrina, O. S. “The case of the Sidzheyut clan in the fund of the Tavrichesky noble deputy assembly.” *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*, no. 18 (2013): 444–455.
- Mavrina, O. S. “Beys'kiy rid Argin na shlyakhu do dvoryanstva (XIX st.)” *Skhidniy svit*, no. 2 (2014): 23–32 (in Ukrainian).
- Masayev, M.V. *Krymskiye tatory v vooruzhennykh silakh Rossii (konets XVIII – nachalo XX vv.)*. Khar'kov: Kharkiv State University Publ., 2003 (in Russian).
- Muftiyzade I.I. “Ocherk voyennoy sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1889 god.” *Izvestiya Tavricheskoj uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 30 (1889): 1–25 (in Russian).
- Nepomnyashchiy, A.A., and Kravchuk, A.S. “On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century.” *Bylye gody* 47, no. 1 (2018): 97–106 (in Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.1.97.
- Plekh, O.A. “Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the twentieth century: Russian historiography of the late XX – early XXI century.” *Voprosy istorii*, no. 11 (2019): 258–272 (in Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi33.
- Prokhorov, D.A. “Gosudarstvennyye uchrezhdeniya Tavricheskoj oblasti v kontse XVIII veka.” *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 4 (1998): 123–138 (in Russian).
- Prokhorov, D.A. “Organy upravleniya Tavricheskoj oblasti posle prisoyedineniya Kryma k Rossii (1783–1787).” *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, no. 5 (1996): 213–225 (in Russian).
- Prokhorov, D.A. “Uchastiye krymskikh tatar v rabote gosudarstvennykh uchrezhdeniy Tavricheskoj oblasti i ikh rol' v ukreplenii rossiyskogo vliyaniya v regione.” In *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825*, 95–108. Sevastopol': Al'batros Publ., 2017 (in Russian).
- Sakovich, A.V. *Krymskiye tatory na voyennoy sluzhbe Rossiyskoj imperii*. M.: Fond «Russkiye vityazi» Publ., 2016 (in Russian).
- Shilov, D.N. “Basic documents and reference books about civilian officials in Russia (end of XVIII – early XX century): a brief overview.” *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 1 (2011): 90–95 (in Russian).
- Zayonchkovskiy, P.A. *Pravitel'stvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v.* Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Кравчук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Alexandr S. Kravchuk, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimea Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher, Museum of History of V.I. Vernadsky Crimean Federal University.